

Ратников Кирилл Владимирович

**ОБОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА:
ЛИТЕРАТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА С. П. ШЕВЫРЕВА**

В статье проанализирован концептуальный подход выдающегося отечественного филолога, литературного критика и педагога Степана Петровича Шевырева (1806-1864) к проблеме развития и укрепления национального самосознания, основывающийся на духовно-ментальном потенциале русского языка как ключевом факторе культурной идентификации народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 101-103. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

8. **Козина Н. О.** Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Иваново, 2003. - 20 с.
9. **Кубрякова В. С.** Язык и знание: на пути получения знаний о языке // Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
10. **Мещанинов И. И.** Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление / Под ред. Ф. П. Филина. - М.: Наука, 1967. - С. 7-16.
11. **НФС 2003 - Новейший философский словарь.** - Мн.: Книжный дом, 2003. - 3-е изд., исправ. - 1289 с.
12. **ПЭ - Православная энциклопедия.** - М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2006. - Т. 12. - 752 с.
13. **Силецкий В. И.** Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и Возрождения // Логический анализ языка. Культурные концепты. - М., 1991. - С. 130-137.
14. **CDS - The Cambridge Dictionary of Sociology / Bryan S. Turner.** - L.: Oxford University Press, 2006. - 688 p.
15. **Dalzell T.** The Slang of Sin. - Springfield: Mass., 1998. - 385 p.
16. **Lakoff G.** Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. - The University of Chicago Press, 1987 - 508 p.
17. **Merton R. K.** Social Structure and Anomie // American Sociological Review. - 1992. - Pp. 672-682.
18. **Rosch E. H.** Principles of Categorization // E. Rosch and B. B. Loyd (Eds.). Cognition and Categorization. - NJ: Erlbaum, 1978. - Pp. 27-48.
19. **Smith E. E., Shoben E. J., Rips L. J.** Structure and Process in Semantic Memory // Psychological Review. - 1974. - 681 p.
20. **WDCLA - The Wordsworth Dictionary of Classical & Literary Allusion / Comp. by A. H. Lass, D. Kiremidjian, R. M. Goldstein.** - Ware, 1994. - 240 p.

**ОБОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА:
ЛИТЕРАТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА С. П. ШЕВЫРЕВА**

*Ратников К. В.
Челябинский государственный университет*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Загидуллиной М. В. и к.ф.н., доц. Фатеевой И. А.

В статье проанализирован концептуальный подход выдающегося отечественного филолога, литературного критика и педагога Степана Петровича Шевырева (1806 - 1864) к проблеме развития и укрепления национального самосознания, основывающийся на духовно-ментальном потенциале русского языка как ключевом факторе культурной идентификации народа.

Отечественная филологическая наука XIX века в лице своих крупнейших представителей, не ограничиваясь строгими рамками академизма, активно стремилась затрагивать важнейшие вопросы мировоззренческого плана, связанные с попытками выработки национальной идеи в сфере культурного творчества, опирающегося в первую очередь на богатый языковой материал. Поэтому отнюдь не случайным обстоятельством, а глубоко закономерным явлением стало обращение одного из лучших филологов-славистов середины XIX века, профессора русской литературы Московского университета, академика С. П. Шевырева к изучению влияния языка на формирование духовного облика русского народа и развитие его самобытной культуры.

Шевырев обоснованно считал, что главным фактором, определившим особый склад русской ментальности и придающим черты неповторимого своеобразия носителям национальной культуры, является именно язык, поскольку «это наша коренная собственность, нераздельная с нами; это наш существенный признак, почему мы носим имя русских; это выражение всей жизни нашей; это неосязаемый образ всего русского человека» [Шевырев 1836: 38].

Исходя из представления о ключевой роли языка в становлении духовно-ментального уклада национальной жизни, Шевырев считал своим научным долгом заниматься не только историческими аспектами лингвистических исследований, но и уделять самое пристальное внимание современным процессам, происходившим в отечественном языке, давая подробное объяснение намечавшимся негативным тенденциям. Критическому рассмотрению «состояния русского языка и слога» Шевырев посвятил специальную статью, четко поставив вопросы, требовавшие широкого общественного обсуждения: «В каком состоянии находится теперь русский язык? Что обещает он в будущем своем развитии? Чего недостает ему в настоящем? Подобные задачи, конечно, любопытны для всякого, кто не равнодушен к образованию своего Отечества» [Шевырев 1842а: 154-155].

Наибольшую тревогу вызывало у Шевырева очевидное засилье иностранных языков (прежде всего французского) во всех кругах образованного общества, следствием чего становилось вытеснение русского языка из культурного обихода. Подобное положение дел вело к тому, что разрыв между образованным обществом, призванным обеспечивать народное просвещение, и самим народом неуклонно усиливался из-за резкого языкового барьера. Всё это, по мнению Шевырева, в конечном счете замедляло и затрудняло процесс совместного формирования общенациональной культурной идеи: «Мысль еще не принадлежит нам до тех пор, пока она не сказалась в родном нашем слове: облеченная в язык иноземный, она может принадлежать только частным лицам, но не перейдет еще в дух нации: чтобы быть в народе, она должна воплотиться в языке его» [Шевырев 1842а: 191].

В качестве оптимального способа такого взаимного «воплощения» Шевырев выдвинул целостную педагогическую программу, предусматривавшую активное приобщение детей из дворянских семей к родному языку и тщательное ограждение их от преждевременного знакомства с иностранными языками в ущерб отечественному: «Сколько у нас прекрасных семейств, где все первые впечатления детей, все первые чувства, наслаждения, мысли бывают искажены, испорчены чуждыми звуками! <...> Что за странная торопливость - вливать чуждые звуки в слабое слово младенца, когда в нем еще не утвердились звуки, ему родные!» [Шевырев 1842б: 114].

Действенной альтернативой языковому космополитизму, подрывающему национально-культурную самобытность, Шевырев полагал последовательную систему мероприятий по углубленному и всестороннему изучению детьми отечественного языка под целенаправленным руководством их родителей: «О да будет же русский язык семейным языком младенца нового времени! <...> Окружайте колыбель его сладкозвучными песнями и преданиями родины, да вырастает ваше дитя на этих звуках и чувствах, как выростала на них богатырская Россия! Да не прикоснется к устам и языку его ни один чуждый звук до тех пор, пока не разовьется в нем свободно дар человеческого слова в звуках ему родных, - а там пускай приходят по очереди и образованные языки иных народов, но пусть приходят в семью вашу как приглашенные гости, а не как властелины, поработавшие ваш ум и народное слово!» [Шевырев 1842б: 114-115].

Осуществление своего идеала укоренения подрастающих поколений дворянских детей в отечественной языковой среде Шевырев увидел на практике в частном училище известного московского педагога Н. И. Цветкова: «Русский язык положен в основу тому учению, которое раскрывает разум. Ясное, правильное, отчетливое русское слово проникает всё учение, какого бы предмета оно ни касалось. Полнота ответа, логически построенного, этимологически правильного и синтаксически связанного, есть первое, на что наставник обращает самое строгое внимание в своих непрерывных беседах с учениками. Правописание наблюдается самым рачительным образом. <...> Языки французский и немецкий входят в круг учения, в надлежащей мере, как гости - представители европейской образованности, но не как полные хозяева, перед которыми русский язык постыдно преклоняется, унижается и искажается, как бывало это, к сожалению, во многих частных заведениях наших» [Шевырев 1850: 21]. По убеждению Шевырева, такая учебная программа являлась оптимальной и насущно необходимой для внедрения в систему общественного образования, поскольку принципы Цветкова основывались на положении, согласно которому «внутренний образ русского человека, выражаемый в нас языком нашего Отечества, должен быть сохранен в целостности и не подвергаться никакому искажению в таком раннем возрасте, где искренность и чистота этого народного образа так святы, где натянутое выражение мысли на чужом языке ведет только к лицемерию в личном и самоуничижению в общем народном смысле» [Шевырев 1850: 22].

Программа Шевырева по защите и совершенствованию отечественного языка включала в себя не только педагогический компонент, но и весьма существенную литературную составляющую. Шевырев считал, что внутренняя жизнь народа, общенациональные духовные и культурные ценности и идеалы с наибольшей полнотой и наглядностью воплощаются в художественном слове. При этом литература в свою очередь становится мощным средством формирования национального самосознания, а сила, яркость, выразительность и другие отличительные особенности и характерные качества языка, на котором создаются произведения художественной литературы, в значительной степени способствуют распространению среди носителей национальной языковой культуры главнейших духовно-ментальных ценностей, образно запечатленных литературой.

Вот почему Шевырев настойчиво призывал литераторов России к неустанной совместной творческой работе над развитием и обогащением отечественного языка: «Если мы все, сколько нас есть, сходящихся в имени русского, единодушно любим родной язык и желаем ему процветать и благоденствовать вместе с Россиею, - то пусть же наше общество решится свергнуть с себя рабские, однажды навсегда, оковы языка иноземного и заговорит своим собственным; пускай наши писатели, по примеру Пушкина, чаще прислушиваются ухом к народной молви; пускай они же и с ними вместе ученые раскрывают сокровища древнего языка и не пренебрегают словенщиной, а знакомятся более и более с трудами соплеменных нам ученых, занимающихся одною и тою же частью с ними. Эти четыре источника: язык общественный, устный народный, древний письменный и всесловенский, должны соединенно влиться в наше русское слово - и тогда поток его потечет у нас на диво миру, широко, обильно, так, как никогда еще он не протекал в России» [Шевырев 1842а: 190-191].

Литературно-педагогическая языковая программа Шевырева имела комплексный характер и отчетливую практическую направленность, предоставляя обильный материал для выработки общенациональной идеи, опирающейся на то универсальное, что объединяло и вплоть до наших дней продолжает объединять всех без исключения представителей отечественной культуры - на плодотворную среду родного языка, на поистине неисчерпаемый потенциал русского художественного слова. И можно быть уверенным, что не утратит своей принципиальной значимости завет Шевырева, пока живет в своих носителях наш цветущий и неувядающий русский язык: «Все мы, действующие мыслию и словом на образование народное, по разным ветвям поэзии, словесности, науки, как бы ни разделялись мнениями, должны помнить, что у всех нас одна задача: *выразить мысль всеобъемлющую, всемирную, всечеловеческую, христианскую, в самом русском слове*» [Шевырев 1842а: 191].

1. Шевырев, С. П. Общее обозрение развития русской словесности / С. П. Шевырев // Московские ведомости. - 1836. - № 38.
2. Шевырев, С. П. Взгляд на современную русскую литературу. Сторона светлая / С. П. Шевырев // Москвитянин. - 1842. - № 3. - С. 153-191.
3. Шевырев, С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному / С. П. Шевырев // Москвитянин. - 1842. - № 7. - С. 36-124.
4. Шевырев, С. П. Учебное заведение Н. И. Цветкова / С. П. Шевырев // Москвитянин. - 1850. - № 14. - С. 19-24.

ИДЕИ ДЖ. К. ХОТТЕНА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИИ

Рябичкина Г. В.

Астраханский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Балашовой Л. И. и к.ф.н. Бурукиной А. Ф.

В статье представлены социолексикографические представления Дж. К. Хоттена - составителя фундаментального словаря английского сленга.

Сохранение и продолжение устоявшихся традиций в описании литературной и территориально-диалектной лексики и фразеологии, в том числе с учетом расширения объекта лексикографического описания включением в него языкового субстандарта, остается основной задачей современной отечественной социолексикографии [Химик 2004: 107].

Англоязычная лексикография, в качестве практики словарного дела и как совокупность словарей соответствующего языка, имеет уже весьма значительный практический опыт решения названной проблемы посредством составления конкретных словарей лексического субстандарта.

Англоязычная субстандартная лексикография характеризуется непрерывной почти четырехсотлетней традицией, реализовавшейся, по нашим подсчетам, в появлении более 300 больших и малых толковых словарей, не считая нескольких сотен маленьких справочников, глоссариев и простых списков неконвенциональных, или нелитературных, ненормативных лексических единиц полинационального английского языка во многих англоязычных странах (обзор основных словарей английского лексического субстандарта: Диановская 2003: 15-17; Коровушкин 2006; Смирнова 1986; Хомяков 1980).

Однако необходимо подчеркнуть, что в существующих словарях и лексикографических работах, как зарубежных, так и в отечественных авторов, наблюдается широкий разбой в понятийных и терминологических системах, в частности, недифференцированное употребление таких терминов и соответствующих понятий, как субстандарт, просторечие, социальные диалекты и эзотерические субъязыки, социолектизмы, коллоквиализмы, сленг, жаргон, арг, кэнт, вульгаризмы. Не обобщены также и очевидные наработки в лексикографическом описании подобных нестандартных языковых единиц, а также в инструментарии, используемом для их лексикографирования. В целом, теоретическая лексикография, как общая, так и частная, субстандартная, за рубежом и в России запаздывает в научной интерпретации достижений практики составления просторечных словарей, а в ряде моментов, не замечает возникающих проблем и лагун в субстандартной, или просторечной, лексикографии. Вот почему особенно важно обобщить и проанализировать опыт ведущих социолексикографов и обозначить их позиции в решении названных проблем.

Одним из значимых в англоязычной социолексикографии признано имя Дж. К. Хоттена, составителя известного словаря «The Slang Dictionary» [Hotten 1972c], впервые изданного в 1859 г., чьи идеи являются наиболее актуальными для социолексикографического осмысления проблем субстандартной лексикографии.

Дж. К. Хоттен предпослал корпусу своего словаря «The Slang Dictionary» весьма значительное исследование, состоящее из двух частей: 1) «История кэнта» и 2) «Краткая история сленга», что, по сути дела, является, в наших терминах, историко-социолексикологическим обоснованием данного лексикографического труда, другими словами, первым опытом «социолексикологии социолексикографии». Рассмотрим эти исторические экскурсы в кэнт и сленг более подробно с позиций социолексикографии.

В разделе «История кэнта, или секретного языка бродяг» «The history of cant, or the secret language of vagabonds» [Hotten 1972b: 1-26] Дж. К. Хоттен отметил следующие существенные для становления и развития англоязычной субстандартной лексикографии моменты, в частности, те позиции, которые характеризуют регистрируемый в его словаре материал и которые мы изложим ниже в последовательности, отражающей логику нашего исследования.

1. Кэнт «cant» и сленг «slang» универсальны и встречаются во всем мире в языках как цивилизованных, так и нецивилизованных наций, поскольку каждая из них характеризуется делением общества на различные ранги, включая такие группы людей, которые не имеют постоянного места жительства и занимаются мелкой торговлей, бродяжничеством, попрошайничеством и воровством. Эти люди обладают определенными общими чертами, выделяющими их из среды законопослушной части любого общества. Одной из таких типичных черт является кэнт, используемый ими с целью сокрытия своих намерений и награбленной добычи.